

Проза

Олег ГОНОЗОВ

Ярославль

Олег Сергеевич Гонозов. Родился в 1956 году в Ярославле. Окончил Московский государственный институт культуры. Тридцать лет отдал профессии журналиста в СМИ. Член Союза российских писателей, заслуженный работник культуры РФ. Автор двадцати книг прозы, стихов, юмора и сатиры. Живёт в Ярославле.

НУЖДАЮЩИЙСЯ

Рассказ

– Хорошего дня, Николай! – громким басом приветствовал Данилова сосед по дому Карабанов. Бывший майор милиции, грузный, широконосый, с густыми бровями, пенсионер, в новой дублёнке, несмотря на пробирающий до костей мороз, выгуливал йоркширского терьера – маленькую, словно игрушечную, собачку в пёстром утеплённом комбинезоне и аккуратных ботиночках на каждой лапке.

Забавного, с лохматой мордочкой щенка Карабанов в прошлом году подарил внучке на день рождения, но не посоветовался с невесткой – в итоге живой подарок, стоивший немалых денег, вернулся к нему обратно.

Карабанов был лет на десять моложе Данилова, но как всякий себялюбец, считающийся пупом земли, никогда не обращался к нему по имени-отчеству – в лучшем случае: Николай, Коля, а то и просто Данилов. Видно, привык общаться с подопечными по кличкам.

– По тебе, Коля, можно часы сверять. Вижу, в «Пятёрочку» намылился! – пританцовывая от холода, от безделья лез в душу Карабанов. – Скидки пенсионерам ещё дают?

– Дают до одиннадцати часов.

– Тогда успеешь, – он высморкался в носовой платок, сплюнул и продолжал: – У меня интересней наколка есть, тебе, Николай, пригодится. На нашем рынке пекарня открылась, где бесплатный хлеб раздают!

– Кому?

– Всем нуждающимся. Вчера своими глазами объявление видел.

Данилов скривил рот в улыбке: Карабанов соврёт – недорого возьмёт.

Месяц назад с таким же серьёзным выражением лица он поделился, что в городе снимают кино, и для массовки срочно нужны пенсионеры в одежде восьмидесятых годов: драповых пальто, телогрейках, шапках-ушанках. Оплата – 700 рублей в день, плюс горячий обед.

«Какой из меня артист?», – усомнился тогда Данилов. Но Карабанов, говорил весьма убедительно: «Такие типажи, как ты, Коля, на дороге не валяются! Режиссёру для фильма позарез требуются худощавые мужчины старше шестидесяти. Поезжай – не прогадаешь!».

На следующий день Данилов, как примерный ученик, привыкший доверять школьным учителям, достал с пыльных антресолей пахнущую нафталином куртку-пургу и свалявшуюся кроличью шапку, намотал на шею выгоревший мохеровый шарф – и в таком сценическом образе отправился сниматься в кино. Сорок минут добирался в тесной маршрутке с одного конца города на другой. Приехал, а там никого: съёмки закончились ещё неделю назад!

И всё же к мини-пекарне, где, по уверениям Карабанова, направо и налево раздают бесплатный хлеб, решил сходить, посмотреть, что к чему, но если майор снова соврал, то сказать ему об этом в лицо и перестать здороваться.

Возведённое в годы советской власти квадратное здание колхозного рынка, много раз перестроенное и обросшее лабиринтами металлических павильонов, располагалось в двадцати минутах ходьбы. Когда-то Данилов с женой каждую субботу ходили на этот рынок, где кроме продуктов покупали у челночников недорогую одежду и обувь, а потом, стоговив на скорую руку что-нибудь вкусненькое, обмывали покупки водкой «Распутин». Сколько лет прошло – не сосчитать.

Не удивительно, что зайдя внутрь рынка, Данилову показалось, что он не был здесь целую вечность. Привык каждое утро, словно муравей-труженик по проторенной дорожке, ходить в магазин «Пятёрочка», где закупал всё необходимое с пенсионной скидкой. Пятьдесят, шестьдесят, а иной раз и семьдесят сэкономленных рублей были для него, как найденные.

Вглядываясь в непривычные названия торговых точек: «Хлебный дворик», «Пирожковая», «Добрый пекарь», Данилов добрался до мини-пекарни «Лепёшки из тандыра», за стеклом которой на пожелтевшем листе формата А-4 было действительно написано: «Бесплатный хлеб для всех нуждающихся». Не соврал Карабанов!

Через огромное, от пола до потолка, стекло Данилов с любопытством наблюдал, как два проворных худощавых паренька с узкими глазками пекут лепёшки. Один, что повыше и постарше, с тёмными волосами, смешно торчащими из-под поварской шапочки, обеими руками старательно месил тесто, формируя из него заготовки лепешек, украшал их незамысловатым узором и смачивал водой. Другой, в цветастой тубетейке, ловко приклеивал заготовки к внутренней стенке тандыра – восточной печи, напоминающей огромный, усеянный изразцами, кувшин. Через несколько минут, словно работающий на публику актёр, пекарь доставал горячие лепёшки, складывая их стопкой на прилавке. От жары лоб у парня покрылся потом, он смахивал его рукой, принимал деньги и упаковывал готовую продукцию в майки-пакеты. Две лепёшки, как понял Данилов, стоили полтинник, одна – четвертной.

Брали, в основном, по две штуки, но вот какой-то мигрант, зашедший со стройки, в зелёной спецовке и резиновых сапогах, купил сразу четыре румяных лепёшки, отломил от одной приличную корочку и счастливо заработал челюстями: как говорится, был бы хлеб, найдутся и зубы.

Данилов слотнул слюну. Ещё раз, по буквам, прочитал объявление о бесплатном хлебе. Никогда в жизни он ничего не просил, но, видно, дошёл до крайности, что готов встать в очередь за бесплатным хлебом.

Но никакой очереди из бедных и обездоленных, как он предполагал, возле мини-пекарни не наблюдалось. Деловито подходившие мужчины и женщины покупали горячие лепёшки за деньги, бесплатно их никто не выпрашивал.

Данилов растерялся, соображая, как же в таком случае подтвердить свою нуждаемость. В «Пятёрочке» он бы произнёс на кассе кодовое слово «пенсионер» – и скидка обеспечена, даже пенсионное доставать не нужно – девчонки его давно знают.

Здесь пенсионное удостоверение вряд ли прокатит: в городе каждый третий пенсионер. А если верить на слово, так любой прохожий может сказать, что он нуждающийся – и пекарня разорится. А раз не разоряется, значит, есть какой-то подвох в объявлении. Наверняка, пекарня делится бесплатными лепёшками только со своими нуждающимися земляками. Ну, может быть, ещё отдаёт нераспроданный, засохший, как камень, хлеб нищим, что по утрам просят милостыню на ступеньках рынка.

Данилов решил не бросаться в омут неизвестности, присмотреться к окружающим, чтобы понять, как выглядят нуждающиеся, как себя ведут, что говорят. Как всякая дева по гороскопу, он принимал решения, основываясь на трезвом расчёте и умении просчитывать ситуацию.

Карусель ничего не подозревающих посетителей промчалась мимо него, как в киноленте, прежде чем он остановил свой выбор на приземистой в годах женщине с серым цветом лица и, словно заговорённый, поплыл за ней следом. Таких, одётых в чёрный наряд, тётушек, смиренно стоящих с протянутой рукой, он встречал возле кладбищенской церкви и старался обходить стороной. Двигалась избранница, как черепаха, едва переставляя ноги, но дойдя до мясного павильона, оживилась и стала выбирать телятину. «Нашёл малоимущую!» – усмехнулся Данилов.

Сам он уже давным-давно не покупал на рынке мясо, довольствовался полуфабрикатами из «Пятёрочки». Это по молодости лет он с женой каждую субботу ходил на рынок. Катя знала толк в мясе. По цвету отличала телятину от говядины, внушая ему, что, чем старше животное, тем мясо темнее и жёстче, а значит в нём больше жира и прожилок. Намётанным глазом торгового работника Катя определяла свежую, бледно-розового цвета, свинину, и проходила мимо подвергшейся заморозке серо-коричневой с тёмными пятнами. Жена любила торговаться, всегда безошибочно выбирая уступчивых продавщиц. Приезжие из деревни женщины, торопясь домой, могли сбросить цену, а свои торговки-перекупщицы не уступали ни копейки. Когда ж это было?..

– Мужчина, парной телятины не желаете? – окликнула Данилова красивая улыбчивая белозубая продавщица, годящаяся ему в дочери. – Я уступлю!

– Спасибо, – глянув на ценник, он понял, что совсем не ориентируется в ценах.

– Возьмите вот вырезку с маленькой сахарной косточкой – не пожалеете! Жена спасибо скажет.

– Не скажет, она умерла...

– Ой, извините!

Не первый раз ради красного словца продавщицы тревожили его память воспоминаниями об ушедшей из жизни жене и его затянувшемся одиночестве. И чтобы не быть мишенью для бойких на язык торговки Данилов поспешил покинуть мясной павильон, забыв, зачем сюда пришёл.

– Мужчины после семидесяти не то, что до семидесяти, – услышал он чью-то, видимо, адресованную в его адрес насмешку. Всё так. Данилов тоже чувствует свой возраст, но это лучше, чем ничего не чувствовать. С таким ходом мыслей он снова оказался у пекарни «Лепёшки из тандыра».

Подождал: авось кто-нибудь заикнётся о бесплатном хлебе – не было таких. Получалось, он единственный нуждающийся, а вокруг – олигархи?

После недавней индексации ему, правда, добавили к пенсии тысячу, но и квартплату подняли на две! И все цены, как температура в хорошо прогретой сауне, сразу поползли вверх. Даже огурцы подорожали в два раза.

Вспомнив про огурцы, Данилов решил посмотреть, почём они на рынке? Гладкие – двести семьдесят рубликов, пупырчатые – четыреста, а «вкусные» – четыреста пятьдесят. Какая же у людей пенсия, чтобы покупать «вкусные» огурцы? Раз в пять выше, чем у него, бывшего инженера, а последние годы мастера производственного обучения, отдавшего сорок пять лет жизни родному заводу.

– Бери, дарагой, за двести пятьдесят отдам! – словно плотву на удочку, ловил его крепкий, с животом-барабаном, рано облысевший южанин.

– В другой раз, в другой раз, – пробормотал Данилов, стараясь не привлечь внимание соседних торговцев, похожих на заморских царьков, восседающих над своими овощными богатствами.

Он знал, что рынок – такой же базар, где всякий норовит обмануть всякого, только слегка цивилизованный. И объявление о бесплатном хлебе для нуждающихся – тоже обман для привлечения покупателей. Вот, мол, всё для вас, ничего не жалко!

Проходя мимо павильона с вывеской «Хлебный дворик», Данилов задержался. Здесь выбор был куда интересней, чем в пекарне. За витринным стеклом лежали пышные розовощёкие кулебяки с капустой, аппетитные чебуреки, загадочные, набитые зеленью, кутабы, осетинские пироги с мясом. И это не всё. Сладкоежек ждали витиеватые слойки с маком, обсыпанные сахарной пудрой венгерки, соблазнительные плюшки, сладкие пончики. И обычные городские батоны по тридцать рублей тоже лежали сложенные, как в поленнице дрова. Не было только объявления о бесплатном хлебе.

Данилов вздохнул. Он бы уже смотрел дома по телевизору новости, но навязчивая, как заноза, мысль о бесплатной лепёшке не давала уйти.

Непонятно зачем он сделал ещё круг по рынку, притормозив возле восточных сладостей. На полу, в открытых мешках покупателей ждали грецкие орехи, нечищенные тыквенные семечки и семечки подсолнуха. На прилавках теснились картонные коробки с сухофруктами: курага, чернослив, финики, изюм. Они с Катей часто покупали сухофрукты, только этот отдел располагался в другом месте. Теперь Данилов берёт грецкие орехи и курагу в ларьке возле дома, там дешевле.

У пекарни с объявлением о бесплатном хлебе уже не было никакой очереди, и при желании Данилов мог купить хоть десять узбекских лепёшек, но, чувствуя себя ограбленным властью пенсионером, он полагал, что, как нуждающийся имеет полное право на бесплатный хлеб.

Заметив в застекленной витрине отражение худощавого небритого мужчины в длинном плаще и серой кепке, он вздрогнул. Правду говорят, что старость – не радость. Данилов расправил плечи и направился к прилавку:

– Мне бы это... лепёшку!

– Двадцать пять рублей, и лучше без сдачи.

– Мне, если можно, бесплатную, – словно клей из засохшего тюбика, выдавил Данилов.

– Это нуждающимся! – нехотя, через губу, бросил парень.

Данилов растерялся, словно его уличили в краже.

– Так, это...

– Ты нуждающийся?! – словно вещь, ощупывал его пристальным взглядом парень, и казалось, что он вот-вот рассмеется: «Ну, какой ты нуждающийся! Хитришь, дед, лукавишь ради бесплатной лепёшки! Не выйдет!»

Данилова бросило в жар. Он почувствовал, как закололо под сердцем и стало не хватать воздуха. Готовый провалиться в тартарары, он кинулся на выход. Бежал сквозь толпу, ничего не различая, только в ушах ядовитой насмешкой звучало: «Нуждающийся, нуждающийся, нуждающийся!».

И казалось, что все встречные это слышат и поворачивают головы в его сторону.